

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51-Ш141.12-55
DOI 10.26170/pl20-03-16

ГСНТИ 16.21.33; 16.31.61

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

А. Н. Баранов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: —

Л. А. Ерохина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: —

E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com; erokhinaludmila074@gmail.com.

Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждаются различия юридического и естественно-языкового понимания категорий «унижение» и «оскорбление». Особое внимание уделено проблеме употребления данных семантических категорий в дискурсивном измерении, то есть их соотношению с понятиями «речевая стратегия» и «речевое действие». Материалом анализа стали определения Уголовного и Административного кодекса РФ, около тысячи контекстов объемом от одного предложения до небольшого текстового фрагмента, взятых из Национального корпуса русского языка, интернет-библиотеки «Google.books.ru», коммуникации Рунета, представленной в блогах, на форумах и в социальных сетях; с новостных интернет-сайтов. Помимо текстовых фрагментов, материалом для анализа послужили мультимедийные объекты — сцены из кинофильмов, в которых изображены ситуации унижения или оскорбления. В общем случае оскорбление — это одиночный речевой акт, а унижение — речевая стратегия, которая может реализоваться как в одиночном, так и в сложном речевом (и не только речевом) акте. Используя многочисленные оскорбления, субъект (или группа субъектов) может реализовать не стратегию оскорбления, а стратегию унижения, то есть окончательным результатом серии спланированных оскорблений все равно становится унижение. Во избежание возникновения коллизий в экспертной и судебной практике по делам об унижении достоинства и оскорблении необходимо, чтобы оба данных понятия (а не только оскорбление) получили определение в законе. При этом важно, чтобы данные определения не входили в существенные противоречия с употреблением соответствующих понятий в речевой практике носителей русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: унижения; оскорбления; судебная лингвистическая экспертиза; юридический дискурс; речевые стратегии; речевое поведение; русский язык; нормативно-правовые акты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Баранов Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ерохина Людмила Алексеевна, аспирант-экстерник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; e-mail: erokhinaludmila074@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Баранов, А. Н. Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении / А. Н. Баранов, Л. А. Ерохина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 162-170. — DOI 10.26170/pl20-03-16.

ПРАВОВАЯ СТОРОНА УНИЖЕНИЯ И ОСКОРБЛЕНИЯ

Семантические категории унижения и оскорбления фигурируют как в сфере права, так и в наивном языковом сознании, отражаясь в лексике, синтаксисе и структуре дискурса. Соответствующие юридические понятия представлены, в частности, в диспозициях ст. 282 УК РФ (в случае привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года) и 20.3.1 КоАП РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), ст. 319 УК РФ («Оскорбление представителя власти»), ст. 336 УК РФ («Оскорбление военнослужаще-

го») и ст. 5.61 КоАП РФ («Оскорбление», до 2012 г. — ст. 130 УК РФ), а также с марта 2019 г. — в ст. 20.1.3 КоАП РФ («Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети „Интернет“, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации»).

В ст. 5.61 КоАП РФ (до 2012 г. — ст. 130 УК РФ) оскорбление определяется «как унижение чести и достоинства другого лица,

выраженное в неприличной форме». При этом понятие унижения, будучи по логике законодателя родовым по отношению к оскорблению, в законе никак не определяется.

Более того, анализируя тексты комментариев к УК РФ, легко заметить, что их авторы не только по-разному интерпретируют понятие унижения (комментируя ст. 282 УК РФ), но и зачастую толкуют унижение через оскорбление: «...объективную сторону преступления могут составлять действия, состоящие в унижении достоинства отдельного лица или группы лиц по любому признаку из числа названных выше. Это может проявиться в пропаганде превосходства либо, наоборот, неполноценности граждан, а также в оскорблении человека по признакам его пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [Рапог 2019: 727].

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ УНИЖЕНИЯ И ОСКОРБЛЕНИЯ

Различия в юридической трактовке категорий унижения и оскорбления усугубляются тем, что в сфере наивной логики (о понятии естественной логики см., в частности: [Лаккофф 1985]), отраженной в естественном языке, унижение и оскорбление воспринимаются носителями языка совершенно по-другому. По семантике и по употреблению в дискурсе слова *оскорбление* и *унижение* (и соответствующие глаголы, а также другие формы того же словообразовательного гнезда) в современном русском языке не находятся в отношении «род — вид». В русском языке данными лексемами можно охарактеризовать гораздо более широкий класс ситуаций. Так, оскорблением с наивной, бытовой точки зрения можно назвать как ситуацию использования слов и выражений, имеющих неприличную форму, так и такие случаи, когда демонстрируется вызывающий жест, производится непристойное действие, когда игнорируются очевидные моральные нормы, что проявляется в поведении людей, но никак не подпадает под действие соответствующих статей КоАП или УК РФ.

Для того чтобы изучить особенности функционирования указанных лексем в естественном языке, нами было проанализировано около тысячи контекстов объемом от одного предложения до небольшого текстового фрагмента, взятых из НКРЯ, интернет-библиотеки «Google.books.ru», коммуникации Рунета, представленной в блогах, на форумах и в социальных сетях; с новостных интернет-сайтов (более подробное изложение результатов этого исследования см.:

[Баранов, Ерохина 2020]). Примеры из НКРЯ не отбирались случайным образом, а собирались методом сплошной выборки.

Материалом для анализа послужил корпус примеров, в которых носители языка в явном виде — в качестве метатекстового комментария^[1] — квалифицируют соответствующий текстовый фрагмент как оскорбление и/или унижение. Анализируемые тексты относились к разговорному, художественному (рассматривались в том числе драматические произведения) и публицистическому функциональным стилям. Помимо текстовых фрагментов, материалом для анализа послужили мультимедийные объекты — сцены из кинофильмов, в которых изображены ситуации унижения или оскорбления.

Наряду с существенными различиями в семантике языковых проявлений рассматриваемых феноменов — элементов лексикона, обнаружилось существенные различия в функционировании категорий унижения и оскорбления в дискурсе. Как известно, существуют коммуникативные интенции, которые реализуются преимущественно в виде отдельных речевых действий (речевых актов). К ним относятся, в частности, иллюзии вопроса, обещания, обязательства. Многие другие коммуникативные намерения чаще выражаются посредством коммуникативных стратегий, т. е. «комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 1999: 54]. К интенциям такого рода относятся аргументация, оправдание, уговоры, пропаганда^[2] и др.

Применительно к рассматриваемым категориям унижения и оскорбления по исследованному материалу можно сделать вывод, что в обычном случае **оскорбление** — это одиночный речевой акт, а **унижение** — речевая стратегия, которая может быть как одиночным, так и сложным речевым (и не только речевым) актом.

Например, в следующем фрагменте пьесы персонаж по имени Генри квалифицирует как **унижение** определенную линию поведения своего начальника, включающую как вербальные, так и невербальные проявления. По мнению говорящего, целью начальника было сделать его жизнь невыносимой:

(1)

ГЕНРИ. Вот-вот. Начальник стал унижать меня, причем открыто, при всех. Ставил под сомнение мою работу, грозил увольнением. Я сам подумывал о том, чтобы уйти, но не мог. Я привык к рабочему месту. Понимаете, миссис, для меня трудно что-то менять в жизни. А вдруг будет хуже?

ЭЛИЗА. Бедный сэр Генри.

ГЕНРИ. Я терпел. Говорил себе: «По-

дожди, когда-нибудь всё изменится». Но ничего не менялось. Начальник, будто поставил себе цель: сделать мою жизнь на работе невыносимой. Особенно мне запомнился случай...

ЭЛИЗА. Какой, сэр? Расскажите.

ГЕНРИ. Как-то во время обеденного перерыва он подозвал меня и протянул конфету.

ЭЛИЗА. Конфету, сэр?

ГЕНРИ. Накануне у нас был «корпоратив», осталась коробка с шоколадным ассорти. И вот он достал конфету и сказал, чтобы я «служил».

ЭЛИЗА. Служили?

ГЕНРИ. Да, как дренированный песок, понимаете? [Костенко К. Баскервиль-холл, собака, точка].

Из приведенного примера хорошо видно, что начальник героя пьесы ставил его в такие ситуации, в которых тот вынужден был вести себя как собака, выпрашивающая угощение хозяина, что очевидно унижает человеческое достоинство. При этом были и другие случаи, когда начальник предъявлял претензии к работе героя пьесы и обещал его уволить. Все это Генри называет унижением: *Начальник стал унижать меня, причем открыто, при всех.*

В то же время в другом примере, аргументируя свое нежелание становиться продавщицей, героиня говорит о том, что в детстве терпела **оскорбления** от продавцов, при этом подразумевается последовательность отдельных речевых действий (каждый поход в магазин — *всю мою жизнь*, как отмечает героиня пьесы):

(2)

А. А кто ссорится? Никто не ссорится. Ты будешь реализатором. По-новому. А по-старому — продавщицей.

Л. Я?..

А. Ну, а кто?

Л. Продавщицей?..

А. Ты что, и этого не умеешь?

Л. Нет!.. Я за прилавок не стану! Я всегда была — по другую сторону! И я — никогда!..

С. (перебивает). Люся...

Л. (по секвенции). Я их всех ненавижу... Всю мою жизнь они меня оскорбляли... С малолетства до седых волос... Я в магазин — как на войну шла! Как они над людьми издевались!.. (С сильным чувством.) Продавщицы!.. [Коломенский М. Три старушки вечером].

Действительно, в каждом случае продавцы были разные и они действовали, не сговариваясь, независимо друг от друга, то есть говорить о стратегии оскорбления

в данном случае невозможно.

В связи с этим словосочетание *постоянные оскорбления* (множественное число) — это последовательность речевых актов, а *постоянное унижение* — стратегия:

(3)

Про тяжелую судьбу на чужбине рассказал нападающий «Фейеноорда» Робин ван Перси.

«В Англии я терпел постоянные оскорбления и издевательства. На каждом выездном матче слышал оскорбительные кричалки в свой адрес. Чувствовал негатив на протяжении всех 11 лет, проведенных в Англии <...>» [Спортивный интернет-сайт].

(4)

24-летняя Валерия решила публично заявить, что командир принуждал ее к интимной связи. Постоянное унижение, грязные намеки и психологическое насилие она терпела почти год. «Говорил, что я должна делать ему хорошо, удовлетворять его в сексуальном плане. Пытался меня обнять, прижать к себе. За ногу погладить. За руки взять» [Новостной интернет-сайт].

В примере (3) субъекты оскорбления (авторы оскорбительных кричалок) — это разные лица, в то время как субъект унижения в примере (4) — это один человек, командир Валерии. Разумеется, и постоянно оскорблять может один человек, но он реализует в этом случае не стратегию оскорбления, а стратегию унижения, т. е. окончательный результат серии спланированных оскорблений все равно унижение (см. ниже разбор фильма Р. Быкова «Чучело»). Множественное оскорбление со стороны одного субъекта или группы субъектов — это инструмент для унижения. Например, в случае доведения до самоубийства, которое, согласно диспозиции ст. 110 УК РФ, может осуществляться путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Известно, что речевые акты, наряду с иллокуцией (манифестируемой целью говорящего), характеризуются перлокуцией — воздействием высказывания на поведение, мысли и чувства адресата [Остин Дж. 1986: 22—29]. Отличия перлокутивного эффекта оскорбления и унижения также наглядно демонстрируют соответствующие примеры употреблений. В частности, упомянутый выше персонаж по имени Генри терпел унижающее его поведение начальника, не смел дать тому отпор, доводя себя в итоге до болезни и увольнения:

(5)

Я намекнул, что это гнусно: пользуясь экономической ситуацией в стране, заставлять человека выслуживаться, как

собачку. Но он стал обвинять меня в том, что я не понимаю шуток, что, будто бы, я всё слишком серьезно воспринимаю. Пришлось ему подыграть. И всё это при коллегах, у всех на виду... Позже один из сослуживцев посоветовал мне дать ему в морду. Но это было невозможно! Я — образованный человек, поймите. В моей семье не учили рукоприкладствовать. Я всегда полагал, что люди должны уметь договариваться, убеждать друг друга при помощи слов <...> Однажды я пришел на работу, сел за стол и, вместо того, чтобы, как всегда, взяться за бумаги и файлы, начал рассуждать: что для меня лучше: дать в морду или дальше терпеть унижения? И так я просидел около четырех часов подряд. Пока не подошел начальник и не поинтересовался, почему я не работаю. Тогда у меня случилась истерика, припадок... Увезли на «скорой» <...> После этого я вынужден был уволиться? [Костенко К. Баскервиль-холл, собака, точка].

То есть унижение имело в разобранном случае в качестве перлокутивного эффекта истерику, припадок и вызов «скорой помощи» для объекта унижения.

В то же время оскорбление, как правило, вызывает более быструю и более резкую реакцию, поэтому реализуется либо в виде последовательности отдельных речевых актов, либо в виде единственного речевого акта:

(6)

ГОЛОС ДИНЫ. Да отлипни сказала, псих!

ГОЛОС СТОРОЖА. За оскорбление, знаешь, что бывает? Стой, кому говорят! Я тут ответственный!

В мойку стремительно входит ДИНА с преследующим и пытающимся её остановить СТОРОЖЕМ.

ДИНА. (отталкивает Сторожа). Заткнись, зараза, пока я тебе... (Собравшимся.) Жируете, да?

ГОРБУШКА. Динка! Откуда плывёшь? (Помогает ей отцепить руку Сторожа.) Ты чего взбесился сегодня, Шмонич?

СТОРОЖ. Она при посторонних меня обозвала! [Иванов А. Человек вне сюжета].

(7)

Инженер: — Какая же ты сволочь!

Философ: — За оскорбление суда можно и ответить!

Инженер: — Можно подумать, что, не оскорбляя тебя, я могу рассчитывать на какое-то снисхождение!

Философ: — Это вряд ли... [Ковнир В. Здравствуй, дедушка Мороз].

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ УНИЖЕНИЯ И ОСКОРБЛЕНИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Наглядно реализация стратегии унижения может быть продемонстрирована на примере мультимодальных материалов, предполагающих использование различных сенсорных каналов. Сочетание визуального и аудиального ряда позволяет акцентировать внимание зрителя не только на речевом поведении персонажа, но и на определенных жестах, позах, физических действиях, особенностях интонации и др., использующихся при унижающем поведении. Несмотря на то, что игровое кино имеет дело с вымышленной реальностью, работа режиссера, актеров, сценариста, оператора нацелена на то, чтобы изобразить действительность достоверно, сделать ситуации, воплощенные на экране, узнаваемыми для зрителя и тем самым вызвать у него эмоциональный отклик. Поэтому игровые фильмы представляют собой интересный материал для анализа с точки зрения исследования феноменов оскорбления и унижения.

Так, в новелле «Напарник» из комедийного фильма «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» (1965, реж. Л. Гайдай) хулиган Федор (Федя) в исполнении актера Алексея Смирнова последовательно реализует стратегию унижения по отношению к работникам стройки, в первую очередь — к Шурику (Александр Демьяненко). В милицеском участке, где Федю приговаривают к 15 суткам исправительных работ за хулиганство, тот бросает в адрес Шурика: «Студент!» — указывая таким образом на молодой возраст, а также неуместную — даже в каком-то смысле предосудительную — интеллигентность и слабохарактерность своего оппонента, а также на его более низкий статус в представлениях Федора о социальном доминировании: главный в ситуации — тот, кто физически сильнее.

На стройке, когда выясняется, что Федору придется работать под руководством Шурика, тот не соглашается занять подчиненное положение. В ответ на приветственное обращение Шурика «Ну, теперь поработаем!» Федя с агрессией в интонации отвечает: «Сработаемся» — и далее демонстрирует собственное физическое превосходство, сгибая металлический прут, поднимая тяжелую батарею, раскалывая кирпич о колено и о голову. В данном случае, как и в последующем классическом диалоге о несчастных случаях на стройке, помимо стратегии унижения (демонстрации физического превосходства), реализуется стратегия устрашения. Далее Федор приказывает Шу-

рику: «*Пошли!*» — и первым начинает движение, демонстрируя таким образом, что отказывается воспринимать Шурика как своего начальника. При проходе через узкий дверной проем Федор не пропускает Шурика вперед, а нарочно протискивается одновременно с ним, толкая его и занимая собой большую часть пространства (см. рис. 1).

Во время обеда, уплетая шашлык с шампура, Федор заявляет пьющему кефир Шурику: «*Кто не работает, тот ест. Учись, студент!*» — показывая таким образом свою большую успешность, умение устроиться в жизни, позволяющее ему свысока поучать собеседника. Выражение гнева на лице Шурика и его физическая реакция (поперхнулся кефиром) показывают, что слова Федора задели его. Отдельно следует отметить, что первый раз свою нравоучительную реплику Федор произносит с набитым ртом так, что Шурик даже не может разобрать ее. Демонстративное нарушение постулатов общения Г. П. Грайса («Выражайся ясно») [Грайс Г. П. 1985: 217—237], правил поведения за столом также является частью унижающей стратегии Феде.

После обеда Федя предлагает Шурику воспитывать его: «*Давай бухти мне, как космические корабли бороздят Большой театр, а я посплю!*». Понятно, что требование воспитывать со стороны воспитуемого в адрес воспитателя, да еще и абсурдное пропозициональное содержание побуждения носят очевидно оскорбительный характер, представляя угрозу общественному лицу Шурика.

Стратегия поведения Феде меняется только в заключительной части фильма, когда Шурик берет над ним верх и мстит при помощи унижительной для Феде *разъяснительной работы*. В этой сцене расстановка ролей между персонажами меняется: Федя начинает обращаться к Шурику на Вы, в его

статусной принадлежности подчеркивает не молодость и слабых характерность, а гуманизм (*Шурик, Вы комсомолец? Это же не наш метод!*), предпринимаются попытки разжалобить (*Может, не надо, Шурик?*).

Таким образом, общая стратегия унижения в данном случае реализуется в последовательности актов оскорбления и собственно унижения.

Стратегия унижения часто передается художественными средствами в драматических кинокартинах. Так, в фильме «Чучело» (1983, реж. Р. Быков) по одноименной повести Владимира Железникова героиня Лена Бессольцева (в исполнении Кристины Орбакайте) подвергается унижению со стороны одноклассников. В психологии это явление носит название *буллинг* — «неоднократные агрессивные проявления (физическая агрессия, унижение, оскорбления, бойкот) одного или нескольких человек в группе в отношении неспособного противостоять им члена группы» [Гудзовская, Манухина, Проскурина 2017: 42]. На протяжении всего фильма одноклассники совершают разнообразных речевые и неречевые действия, унижающие достоинство Лены: обзывают ее (не только чучелом, но и *доносчицей, подлизой, ябедой, предательницей* и др.), зажимают в углу, бьют, кидают лицом на землю, высмеивают особенности внешности (*У нее рот до ушей, хоть завязочки пришей!*) и образ жизни ее бабушки (*Я тебе дам тряпочку, будешь, как твой дедушка, заплатчица*), передразнивают, отпускают издевательские шутки. Например, Шмакова (актриса Анна Толмачева) говорит Лене Бессольцовой: «*Передай бабушке, что мы его все поздравляем и что у него внучка, точно как он!*» При этом она поворачивается к Лене спиной и незаметно для нее комментирует ситуацию жестом, указывающим на сумасшествие — крутит пальцем у виска (см. рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Не видя этого жеста, Лена интерпретирует сказанное как комплимент: «Да, мы с дедушкой два сапога пара!» — чем дает повод одноклассникам посмеяться над ее простодушием. В конце концов ребята объявляют Лене бойкот за якобы совершенное предательство, надевают ее платье на чучело и устраивают символическое сожжение «предателя».

Очевидно, что в данном случае реализуется именно стратегия унижения, по сюжету осуществлявшаяся на протяжении нескольких месяцев. Столь длительное унижение оказалось возможным, поскольку Лена долгое время не могла дать отпор одноклассникам и принимала их сторону, о чем она говорит дедушке, например, в следующей реплике: «Ты думаешь, я бросилась на них с кулаками? Наоборот, я стала тебя стыдиться». Точно так же и Шурик в описанном выше примере не мог оказать сопротивления Феде, поскольку их физические силы были неравны, и только хитростью смог переломить ситуацию и заставить Федю прекратить унижающее поведение.

Резюмируя, следует отметить, что в рассматриваемом примере стратегия унижения была реализована в отдельных актах вербального и невербального оскорбления и унижения Лены Бессольцевой. При этом школьники в этом случае действовали как коллективный субъект, т. е. договаривались о стратегии своего поведения по отношению к Лене. Это особенно наглядно демонстрирует, например, голосование за объявление бойкота.

В фильме «Горькая луна» («Bitter moon», 1992, реж. Р. Полански) персонаж по имени Оскар (Питер Койот) целенаправленно избирает стратегию унижающего поведения, чтобы избавиться от поднадоевшей любовницы Мими (Эммануэль Сенье): *В каждом человеке спрятан садист. Быстрее всего он выходит наружу, когда кто-то всецело зави-*

сит от вас. Она была согласна жить в аду, ну что ж, там станет так горячо, что она сама попросит выпустить ее. Он изменяет ей с другими женщинами, не скрывая и подчеркивая это, называет ее другим именем, критикует приготовленную ей индейку, говоря, что она *не зафаршировала, а кремировала* ее и что он не будет пробовать, так как *жалеет зубного врача.* Сидя на вечеринке в окружении двух девушек, Оскар жестом подзывает Мими и отпускает антикомплименты ее внешности: *Мы любимся твоей прической. Да, Сьюзан считает, что тебе очень идет, и я тоже. Не могу вспомнить только, что она мне напоминает. А, вспомнил, Риту, соседскую собаку. Постойка, что у тебя под глазами? Похоже на сияк. Точно, и нос блестит. Знаешь, я не спец по косметике, но я бы и то лучше намазал.*

В силу эмоциональной и финансовой зависимости от Оскара Мими не могла возразить и терпела его унижающее поведение. Сам Оскар заключал, что обидеть Мими было *так просто, что даже неинтересно, как из пушки по воробьям.* Ситуация переломилась, только когда статусно-ролевые отношения Оскара и Мими изменились: Оскар попал под машину, стал инвалидом, зависимым от Мими, которая начала мстить ему за пережитые унижения, реализуя, в свою очередь, другую стратегию унижения. Эта стратегия была основана на физической зависимости обездвиженного Оскара от Мими, которая могла оставить его одного на весь день дома так, что тот был вынужден мочиться под себя, или сделать ему укол грязным шприцем. На стратегический характер планирования унижения со стороны Мими указывают слова, которые она произнесла после операции Оскара: *Есть новость хорошая и есть плохая. Ты парализован ниже талии навсегда. <...> Это как раз хорошая, плохая та, что теперь я займусь тобой.*

Рис. 3

В фильме под названием «Унижение» («The Humbling», 2014, реж. Б. Левинсон) показана история отношений пожилого мужчины по имени Саймон (Аль Пачино) с молодой женщиной Пегин (Грета Гервиг), подвергающей того систематическим унижениям. Пегин при любом удобном случае указывает на физическую немощность Саймона. Например, когда тот берет у нее тяжелый чемодан, но не справляется, надрывает спину и падает, героиня не помогает ему подняться, а продолжает гладить кошку, а потом сама поднимает чемодан со словами: «Спасибо, что попытался помочь!» Пересказывая телефонный разговор со своей матерью, Пегин с улыбкой говорит Саймону:

Теперь она постоянно вспоминает, как ты жалко выглядел у ветеринара. Ее новая любимая тема. Она часто использует слово «вялый». А потом говорит: «Он просто тень от человека, только тень». Это здорово, у нее появилось какое-то новое занятие. Думаю, ненависть к тебе придает смысл ее жизни.

То есть в данном случае унижительные характеристики Саймона преподносятся как чужая речь, но не оспариваются Пегин. Иными словами, Пегин рассматривает слова матери как нечто само собой разумеющееся и расцениваемое скорее положительно. Унижительное положение Саймона подчеркивается еще и при помощи визуального ряда: героиня произносит этот текст со второго этажа, а герой стоит внизу и смотрит на нее, задрвав голову (см. рис. 3). Ср. концептуальную метафору по Дж. Лакоффу: верх — это хорошо, низ — это плохо [Лакофф Дж., Джонсон М. 1990: 389—396].

Выявленные различия в реализации категорий *оскорбления* и *унижения* в дискурсе могут быть связаны с тем, что оскорбление является в общем случае более эксплицитной формой проявления агрессии. Люди в норме склонны в большей степени реагировать на оскорбление, поэтому оскорбление, в отличие

от унижения, не может осуществляться на протяжении длительного промежутка времени, хотя может использоваться в дискурсивной стратегии унижения.

Данный тезис подтверждается анализом как текстовых, так и мультимедийных объектов. Например, в эпизоде кинофильма «Операция „С Новым годом!“» (1996, реж. А. Рогожкин) между супругами Леной (Екатерина Дронова) и Лешей (Александр Лыков) состоялся следующий диалог:

— *Ну ты идиот! Ты просто наивный идиот! Ты в своей фирме так же дела ведешь? Кстати, и с бабами так же.*

— *Опять?*

— *Что опять?*

— *Опять из тебя дурь прет?*

— *Какая дурь?*

— *Дурь бабская из тебя, изо всех...*

— *Ну-ка иди сюда! Так! Какая дурь из меня прет?*

В данном случае реакция на оскорбительные слова наступает мгновенно со стороны обоих участников диалога, что превращает их общение в словесную перепалку. Реплика *Ну-ка иди сюда!* используется для усугубления конфликта. Ср. также почти речевую формулу *А ну, подойди сюда!*, где имеется в виду возможность физической угрозы. О дискурсивной стратегии применительно к рассматриваемому диалогу говорить трудно.

В фильме «Ищите женщину» (1982, реж. А. Сурикова) главная героиня по имени Алиса (Софико Чаурели) находит недопустимым обращение «*Моя милая*» со стороны полицейского Максимэна (Леонид Ярмольник) и называет его *наглецом*. Максимэн расценивает ее слова как оскорбление и говорит о грозящем за это наказании: «*Вот это уже оскорбление. При исполнении. Это по тарифу...* (снимает фуражку, чтобы посмотреть написанную на ней инструкцию) *Ну, здесь не написано, это два месяца тюрьмы, а может быть, и больше*». После этого

линия поведения Алисы меняется («Что Вы меня пугаете? „Тариф, тариф, тариф“. Давайте сразу скажите: пожизненная ка-торга!»).

То есть Максимэн, как представитель за-кона, мгновенно квалифицирует слова Али-сы как оскорбление и говорит о грозящем за это наказании, а та в свою очередь, поняв, что совершила нечто предосудительное, меняет тактику речевого поведения и пере-ходит к жалобам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовые интерпретации, трактовки унижения и оскорбления обнаруживают оче-видные пересечения с наивным, обыденным пониманием этих феноменов, но не тожде-ственны им. В свою очередь, анализ языко-вых и речевых данных свидетельствует о существенных семантических отличиях кате-горий унижения и оскорбления, что выража-ется, в частности, в особенностях реализа-ции этих феноменов в коммуникативных намерениях участников в дискурсе.

В общем случае оскорбление — это оди-ночный речевой акт, а унижение — речевая стратегия, которая может реализоваться как в одиночном, так и в сложном речевом (и не только речевом) акте. Весьма вероятно связь этого с тем, что оскорбление является более сильной формой проявления агрессии, более сильной угрозой социальному лицу ад-ресата. Люди в обычном случае склонны в большей степени реагировать на оскорбле-ние, поэтому оскорбление, в отличие от уни-жения, не может осуществляться на протяже-нии длительного промежутка времени, хотя может использоваться как составная часть в дискурсивной стратегии унижения. Используя многочисленные оскорбления, субъект (или группа субъектов) может реализовать не стратегию оскорбления, а стратегию униже-ния, т. е. окончательным результатом серии спланированных оскорблений все равно становится унижение.

Во избежание возникновения коллизий в экспертной и судебной практике по делам об

унижении достоинства и оскорблении необ-ходимо, чтобы оба данных понятия (а не только оскорбление) получили определение в законе. При этом важно, чтобы данные определения не входили в существенные противоречия с употреблением соответствующих понятий в речевой практике носи-телей русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Понятие «метатекст» в лингвистике ста-ло активно использоваться после публикации работы [Вежицка 1978].

[2]. Феномен пропаганды как дискурсивной практики рассматривается в работе: [Баранов, Паршин 2017].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены / А. Н. Баранов, Л. А. Ерохина. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной эксперти-зы. — 2020. — Т. 15, № 1. — С. 20—28.
2. Баранов, А. Н. Категория пропаганды в лингвистиче-ской экспертизе текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2017. — Т. 12, № 2. — С. 53—65.
3. Вежицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежицка. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвисти-ке. — Москва, 1978. — Вып. 8 : Лингвистика текста. — С. 402—421.
4. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвисти-ке. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 217—237.
5. Гудзовская, А. А. Школьный буллинг как отражение развития группового субъекта деятельности / А. А. Гудзовская, А. М. Манухина, А. А. Проскурина. — Текст : непосредственный // Социальные явления. — 2017. — № 1 (7). — С. 41—48.
6. Лакофф, Дж. Прагматика в естественной логике / Дж. Лакофф. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 439—470.
7. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс ; Омск. гос. ун-т. — Омск, 1999. — 289 с. — Текст : непосредственный.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Феде-рации / отв. ред. А. И. Рапог. — 12-е изд. — Москва : Про-спект, 2019. — 944 с. — Текст : непосредственный.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Ла-кофф, М. Джонсон. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва, 1990. — С. 387—415.
10. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1986. — Вып. 17. — С. 22—29.

A. N. Baranov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3981-0073

L. A. Erokhina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: Baranov_anatoly@hotmail.com; Erokhinaludmila074@gmail.com.

Humiliation and Insult in Discourse

ABSTRACT. The article discusses the difference between the legal and common linguistic understanding of the categories “humiliation” and “insult”. Special attention is paid to the problem of usage of these semantic categories in dis-course, i. e. to their correlation with the notions “speech strategy” and “speech act”. The material under study includes the

definitions from the Criminal and Administrative Code of the Russian Federation, about a thousand contexts ranging from one sentence to a short text fragment taken from the Russian National Corpus, Internet library "Google.books.ru", Rунet communications published in blogs, forums and on social networking sites and from online news sites. Apart from text fragments, the material under analysis includes multimedia objects – scenes from movies depicting situations of humiliation or insult. In general, insult is a separate speech act, whereas humiliation is a speech strategy which can be realized both in a single and in a complex speech (and not only speech) act. By using various insults, the subject (or a group of subjects) can realize not the strategy of insult but the strategy of humiliation. It means that it is still humiliation that is the final result of a series of planned insults. In order to avoid conflicts in expert and forensic practices in cases of humiliation and insult, it is necessary that both these notions (and not only insult) be defined in the law. And it is also imperative that these definitions should not come into significant conflict with the use of the corresponding notions in the communicative practice of the Russian language speakers.

KEYWORDS: humiliation; insult; forensic linguistic expertise; legal discourse; communication strategies; verbal behavior; Russian; normative-legal acts.

AUTHOR'S INFORMATION: Baranov Anatoliy Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Experimental Lexicography, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Erokhina Lyudmila Alekseevna, Post-Graduate Student, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Baranov, A. N. Humiliation and Insult in Discourse / A. N. Baranov, L. A. Erokhina // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 162-170. — DOI 10.26170/pl20-03-16.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. Insult and Humiliation as Linguistic and Legal Phenomena / A. N. Baranov, L. A. Erokhina. — Text : unmediated // Theory and practice of forensics. — 2020. — V. 15, No. 1. — P. 20—28. [Oskorblenie i unizhenie kak yazykovye i pravovye fenomeny / A. N. Baranov, L. A. Erokhina. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2020. — T. 15, № 1. — S. 20—28]. — (In Rus.)
2. Baranov, A. N. Category of Propaganda in the Linguistic Examination of the Text / A. N. Baranov, P. B. Parshin. — Text : unmediated // Theory and practice of forensics. — 2017. — V. 12, No. 2. — P. 53—65. [Kategoriya propagandy v lingvisticheskoy ekspertize teksta / A. N. Baranov, P. B. Parshin. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2017. — T. 12, № 2. — S. 53—65]. — (In Rus.)
3. Vezhbitska, A. Metatext in the Text / A. Vezhbitska. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1978. — Vol. 8 : Linguistics of the Text. — P. 402—421. [Metatekst v tekste / A. Vezhbitska. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1978. — Vyp. 8 : Lingvistika teksta. — S. 402—421]. — (In Rus.)
4. Grays, G. P. Logic and Speech Communication / G. P. Grice. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1985. — Issue 16. — P. 217—237. [Logika i rechevoe obshchenie / G. P. Grays. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 217—237]. — (In Rus.)
5. Gudzovskaya, A. A. School Bullying as a Reflection of the Development of a Group Subject of Activity / A. A. Gudzovskaya, A. M. Manukhina, A. A. Proskurina. — Text : unmediated // Social Phenomena. — 2017. — No. 1 (7). — P. 41—48. [Shkol'nyy bullying kak otrazhenie razvitiya gruppovogo sub"ekta deyatel'nosti / A. A. Gudzovskaya, A. M. Manukhina, A. A. Proskurina. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsial'nye yavleniya. — 2017. — № 1 (7). — S. 41—48]. — (In Rus.)
6. Lakoff, J. Pragmatics in Natural Logic / J. Lakoff. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1985. — Issue 16. — P. 439—470. [Pragmatika v estestvennoy logike / Dzh. Lakoff. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 439—470]. — (In Rus.)
7. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O. S. Issers ; Omsk State Univ. — Omsk, 1999. — 289 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers ; Omsk. gos. un-t. — Omsk, 1999. — 289 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. A. I. Rarog. — 12th ed. — Moscow : Prospect, 2019. — 944 p. — Text : unmediated. [Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / otv. red. A. I. Rarog. — 12-e izd. — Moskva : Prospekt, 2019. — 944 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Lakoff, J. Metaphors We Lived by / J. Lakoff, M. Johnson. — Text : unmediated // Theory of Metaphor. — Moscow, 1990. — P. 387—415. [Metafory, kotorymi my zhivem / J. Lakoff, M. Dzhonson. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya metafory. — Moskva, 1990. — S. 387—415]. — (In Rus.)
10. Austin, J. The Word as an Action / J. Austin. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1986. — Issue 17. — P. 22—29. [Slovo kak deystvie / Dzh. Ostin. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1986. — Vyp. 17. — S. 22—29]. — (In Rus.)